

21. Бонько В.К., Кулик С.П. Мышление человека и проблемы компьютеризации / Ред. Н.И. Жуков. – Мн.: Наука и техника, 1992. – 192 с.
22. Историческое досье. Что говорили великие люди о других и о себе: Энциклопедия. – Д.: Сталкер, 1997. – Т.1. – 448 с.
23. Фрейд З. Тотем и табу. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и предисл. А.И. Белкина. – М.: Внешторгиздат, 1989. – 448 с.
24. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. Мн.: Бел. Сов. Энцикл-я. 1990. – С. 166.
25. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному: Сб. / Пер. с нем. Я.М. Когана, м.в. Вульфа. – Мн.: ООО Попурри. 1999. – 496 с.
26. Фромм Э. Человек для себя. – Мн-к.: Коллегиум, 1992. – 252 с.
27. Гуревич П. Антропологическая катастрофа // Свободная мысль. – 1997. – №11. – С. 34-44.
28. Тоффлер А. Футурошок / Пер. с англ. Ред. О. Михнюк. – СПб.: Лань, 1997. – 465 с.
29. Акофф Р. Искусство решения проблем. – М.: Мир, 1982. – 220с.
30. Степановских А.С. Экология. – М.: Юнити, 2001. – 703 с.
31. Мишаткина Т.В., Яскевич Я.С. Феномен общения в философии и культуре XX века. – Мн.: Метод. Изд. центр РИВШ БГУ, 2000. – 132 с.
32. Пергаменщик Л.А. Список Робинзона: Психологический практикум. – Мн.: Ильин В.П., 1996. – 128с.
33. Психология. Словарь / Ред. Петровского А.В. – М.: Политиздат. 1990. – 260 с.
34. Фромм Э. Иметь или быть? – Мн.: Полифакт. 1990. – 572 с.
35. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранное: Образ общества / Пер. с нем. М.И. Левина и др.; Отв. ред. и сост. Я.Н. Бергер и др.; Примеч. Л.Т. Мильской, В.В.Сапова. – М.: Юрист, 1995. – 705 с.
36. Фромм Э. Искусство любви / Пер. с англ. Л.А. Чернышевой. – Мн.: Полифакт. 1990. – 80 с.
37. Ганжин В. Инфаркт совести // Свет. Природа и человек. – 1994. – №8. – С. 7-11.
38. Дубко Е.Л. Выступление. Российская конференция "Этика и мораль в современном мире" // Вестник Московского Университета. – Серия философия. – 2001. – №1. – С. 9-11.

УДК 13

ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПНОСТИ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Е.А. Рудко

УО «ВГТУ», г. Витебск, Республика Беларусь

Одной из основных проблем социально-философского познания является диалектика человеческого общества и общественного человека как единства объективного и субъективного. В этой связи актуализируются вопросы, связанные с бытием человека, типологией и становлением личности на различных этапах общественного развития, включая социальные кризисы, переходные периоды и социальную трансформацию. Как правило, о значительных деформациях объективных условий жизнедеятельности и массового сознания людей свидетельствует широкомасштабное распространение преступного поведения.

Сегодня в научной литературе существуют различные объяснительные конструкции применительно к сути преступления. Так, например, в юридическом смысле преступление – это деяние, относительно которого в уголовном законодательстве содержится прямой запрет на его учинение. Для социолога преступление выступает, как социально обусловленное следствие неспособности человека найти цивилизованные формы разрешения жизненно важных для него общественных и личных противоречий. Рассмотренное в антропологическом ключе, преступление является превратной формой самореализации. Философию интересуют трансцендентные, онтологические первоначала мирового бытия, которые обуславливают существование криминальных драм. Человек, наделенный жизненной энергией, стремясь к неизвестному, способен нарушать существующие запреты, совершая при этом и творческие открытия, и преступления.

В данной статье предпринимается попытка историко-философского экскурса в постановку проблем преступности, преступного поведения, формирования личности преступника и наказания через анализ Западной философской традиции.

В представлениях древних философов античности причины совершаемых людьми преступлений теряются за пределами сфер, доступных человеческому восприятию и пониманию и о сути этих первопричин мыслители лишь строили предположения и догадки. Одна из первых моделей такого рода представлена в греческой мифологии (миф о преступлениях Эдипа). Необходимо отметить, что в период становления античной цивилизации на основе двух противоположно направленных, но неразрывно связанных процессов – широкого распространения трансгрессивных моделей общественно опасного поведения и развития новообразующих правовых систем возникает первичная морально правовая реальность. Свобода и закон, преступление и право, будучи однопорядковыми, взаимозависимыми феноменами, практически одновременно становятся атрибутами цивилизации. При этом, в представлениях мыслителей Древней Греции глубокий антропологический смысл имеет антитеза аполлонского и дионисийского начала в личности, где дух дионисийства проявляется как негативно ориентированная трансгрессивность.

В качестве одной из основных проблем, анализируемых в античной социальной философии можно выделить объективные и субъективные причины преступных действий. Так Платон считал, что причиной преступлений являются естественные склонности людей к поискам удовольствий, своекорыстию, их эгоизм. Он подчеркивал особую роль законов, которые устанавливаются для того, чтобы научить людей жить в мире друг с другом. Философ полагал, что именно законы государства должны способствовать установлению справедливых отношений между людьми, устранению «всяких внутренних междоусобий», а «законодатель должен надзирать, где осуществляется справедливость, а где нет» [8, с.21–25]. Подобно Платону Аристотель считал, что государство «существует ради достижения благой жизни» [1, с.6–7]. Анализируя проблему саморазрушения государства из-за преступных посягательств на его целостность, мыслитель указывал на следующие причины: настроения людей, готовящих переворот (осознание ущемлённости своих прав; стремление занять привилегированное положение; сознание собственного превосходства), а также отрицательные человеческие качества. Для пресечения социальных распрей в их начальной стадии он предлагал использовать правовые средства.

Средневековая философия рассматривает причины преступлений с теологической точки зрения. Первопричины человеческих действий персонифицированы в образах сверхличностей – Бога и дьявола. Согласно учению Августина Аврелия носители добра и зла – «град Божий» и «град земной» «существуют один возле другого; очень часто они являются даже как бы переплетенными между собой». «У земного любовь к самому себе, доходящая до забвения Бога, а у небесного любовь к Богу, простирающаяся до забвения себя» [9, с.23–25]. Отсюда вытекают многие следствия, касающиеся побудительных сил деятельности людей и их взаимоотношений, в том числе и совершения преступлений. Преступление в свете христианских определений – это всегда грех, поскольку оно нарушает не только нормы права, но и высшие запреты, данные Богом, и предполагает не только уголовное наказание со стороны властей, но и возмездие со стороны Бога.

В эпоху Ренессанса, пришедшему на смену средневековью и характеризующемуся чертами переходного/трансформационного периода, обнаруживается целый ряд противоречий в нормативно-ценностном сознании, что вызывает всплеск преступлений. Возникшая в этот период социальная философия Н.Макиавелли оправдывает преступления на государственном уровне, на которые приходится идти ради того, чтобы не совершились ещё более страшные преступления, т.к. «люди вообще по природе честолюбивы и подозрительны и никогда не довольствуются своей долей» [6, с.192]. Сегодня доктрину Н.Макиавелли можно оправдать лишь квалифицировав ее как апологию чрезвычайных средств в чрезвычайных обстоятельствах.

В эпоху Нового времени (начиная с XVII века) умонастроения, утверждавшие свободу человека, сменились чувством метафизического одиночества и распространением имморализма. В этот период Т.Гоббс формулирует идею согласно которой, наказание преступника – действие вынужденное и необходимое для того, чтобы расположить человеческую волю к повиновению и законопослушанию. В трактате «Левиафан» мыслитель утверждает, что человек по природе своей существо необщественное, т.е. «человек человеку – волк» (*Homo homini lupus est*), а «война всех против всех» является естественным состоянием общества. Глубинной основой такого состояния является всеобщая конкуренция между людьми в условия новых экономических отношений, т.к. «человеческая жизнь может быть сравнима с состязанием в беге... единственная цель и единственная награда каждого из участников, это – оказаться впереди своих конкурентов» [2, с.257]. Мыслитель считал, что человек от рождения подвержен животным страстям – страху, гневу, жадности, а доминирующим и неискоренимым мотивом большей части человеческих действий является эгоизм.

При этом методологический индивидуализм и номинализм Т.Гоббса тесно связан с социологическим и этическим индивидуализмом.

Французский философ Ж.Ж. Руссо и его многочисленные последователи тщательно прорабатывали философию «естественного человека». Человек ими изображался таким, каким его создала природа и не поддающимся разрушительным влияниям цивилизации. Однако к концу XVIII века эта концепция претерпела метаморфозу в работах де Сада, который обосновал естественную правомерность преступлений, исходя из естественных стремлений человека к наслаждению и разрушению. Взаимозависимость этих двух инстинктивно бессознательных наклонностей состоит в том, что чем сильнее и радикальнее творимое разрушение, тем выше степень получаемого при этом наслаждения, «...максимальное наслаждение совпадает с максимальным разрушением. Обладать тем, кого убиваешь, совокупляться с воплощенным страданием – таково мгновение тотальной свободы...», считал де Сад [7, с.178].

В XIX веке в рамках «философии жизни» формируется особый взгляд на проблему преступления и личности преступника. Так А.Шопенгауэр первопричиной всех преступлений объявляет Мировую Волю, которая, будучи, слепой и злой, выступает как источник несчастий, выпадающих на долю человека и человечества. «Воля, – пишет А.Шопенгауэр, – сама по себе бессознательна и представляет собой лишь слепой, неудержимый порыв, – такой она проявляется ещё в неорганической и растительной природе и её законах, как и в растительной части нашей собственной жизни» [10, с.296]. Вслед за А.Шопенгауэром, в рамках иррационалистической традиции, Ф.Ницше выступает за переоценку ценностей и отмену нравственно-правовых запретов на насилие, а также создаёт романтизированный образ преступника.

Знаменитый итальянский ученый и криминалист Ч.Ломброзо и многочисленные его последователи (представители неоломброзианства), стремясь раскрыть психофизические тайны, определяющие поведение человека, проблему преступности рассматривали с биологизаторской позиции. Ч.Ломброзо разработал следующую классификацию преступников: прирождённые преступники; душевнобольные преступники; преступники по страсти; случайные преступники. Он же сконструировал основной для его концепции тип прирожденного преступника, который отличается от непроступного человека по своим анатомическим и физиологическим признакам, а так же патологическими личностными чертами: отсутствием раскаяния, угрызений совести, цинизмом, тщеславием, мстительностью, жестокостью [5, с.417 – 425]. В первых своих сочинениях он писал, что прирожденный преступник – человек ненормальный, но и не сумасшедший. Однако в дальнейшем прирожденного преступника он наделил весьма важной чертой – эпилепсией. По мнению Ч.Ломброзо, прирожденная преступность и нравственное помешательство (отсутствие нравственного чувства, чувств добра и зла, слепота в нравственном отношении) не что иное, как формы проявления эпилепсии. Теория Ч.Ломброзо имеет большое количество последователей, однако необходимо учесть, что эта позиция подвергалась и подвергается жесткой и обоснованной критике.

С точки зрения социологического подхода проблема преступности рассмотрена в работах французского мыслителя Э.Дюркгейм и его последователей, которые считали преступность чисто социологическим явлением. Э.Дюркгейм полагал, что, когда единство социума разрушается, а изолированность его элементов увеличивается, социально отклоняющиеся поведение и преступность возрастают, т.к. общество оказывается в состоянии «аномии» («социальной дезорганизации»), под которой он понимал такое состояние, при котором отсутствует четкая непротиворечивая регуляция поведения индивидов и образуется нормативный вакуум, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились. [3, с.16]. По его мнению, anomia возникает в результате социальных изменений, которые могут идти как в сторону экономического краха, так и в сторону расцвета общественной жизни.

Об общей тенденции роста преступности писали А.Кетле, К.Маркс, Ф.Лист и другие исследователи. Однако объяснение этому явлению было различно. Так, К.Маркс считал, что преступность связана с нищетой и производится капитализмом. В тоже время Ф.Лист, который на основе тех же данных пришел к аналогичным выводам, не связывал преступность с какой-то одной социальной системой, а высказывал мысль, что преступление вечно и меры предупреждения никогда не победят преступность.

В XX веке под влиянием глобальных социальных изменений появляются в разных философских направлениях различные взгляды на проблему преступления. Представитель экзистенциализма А.Камю, например, рассматривает эту проблему через призму категории абсурда, когда исчезают различия между добродетелью и преступлением. По его мнению, разномасштабные злодеяния стали

обыденностью, и при этом появилось множество равнодушных людей. Именно таким А. Камю изображает героя своей повести «Посторонний», по имени Мерсо, который многие годы жил бездуховно-механической жизнью ритмично функционировавшего организма-полуавтомата, он не верит в Бога и не испытывает потребности в вере, и с тем же равнодушием и безразличием убивает человека. В тюрьме он быстро приспосабливается к новой для него обстановке и приходит к выводу, что «смог бы жить где угодно, даже в стволе высохшего дерева». Пустоту внутреннего мира своего героя, Камю в последний раз представляет читателю на суде, Реакцией Мерсо на смертный приговор было удивление, а в камере смертника он говорил себе: «Я в первый раз открыл свою душу ласковому равнодушию мира. Я постиг, как он подобен мне, братски подобен, понял, что я был счастлив и всё ещё могу назвать себя счастливым. Для полного завершения моей судьбы, для того чтобы я почувствовал себя менее одиноким, мне остаётся пожелать только одного: пусть в день моей казни соберется много зрителей и пусть они встретят меня криками ненависти» [4, с.84].

К концепциям XX века, биологизирующим поведение человека, относятся трактовка преступлений с точки зрения фрейдизма, что проявляется в учении Зигмунда Фрейда и в социологических воззрениях неопрейдизма. З.Фрейд открыл целое направление в философской антропологии и утвердил бессознательное как важнейший фактор человеческого измерения и существования. Сексуальность, по мнению мыслителя, является основным понятием психоанализа, которое не исчерпывается описанием взаимоотношений полов, влечением и размножением. Сексуальность является весьма сложным продуктом телесного и душевного, в основе которой лежит влечение, которое З.Фрейд характеризовал как вид или раздражимость, как единство душевного и соматического [11, с.192–203]. Именно сексуальность является тем местом, где происходит неизбежная встреча индивидуальных особенностей и коллективных норм – сцена, как приспособления, так и сопротивления. Приспособление адаптивной жизнедеятельности, помогает индивиду выжить и гармонизировать своё поведение, приведя его в соответствие с социальными нормами, в отличие от сопротивления, которое часто ведет к нарушению общепринятых норм.

Представитель постмодернизма М.Фуко рассматривает проблему преступления сквозь призму дискурса «знание – власть». Мыслитель выделяет две линии объективации преступника и преступления. С одной стороны, преступник, рассматриваемый как общий враг, преследование которого отвечает общим интересам, выпадает из договора, дисквалифицирует себя как гражданина и возникает как дикая часть природы, как бы неся ее в себе; он предстает негодяем, чудовищем, сумасшедшим, возможно больным и, вскоре, «ненормальным». Именно в этом качестве он подвергнется однажды научной объективации и соответствующему «лечению». С другой стороны, необходимость измерять изнутри воздействие карающей власти предписывает тактику воздействия на всех преступников, будь то действительных или возможных: тактику, предполагающую организацию поля предотвращения преступлений, расчет интересов, циркуляцию представлений и знаков, создание горизонта достоверности и истины, сообразовывание наказаний со все более тонкими переменными; все это также ведет к объективации преступников и преступлений. В обоих случаях, очевидно, что отношение власти, лежащее в основе отправления наказания, начинает дублироваться объектным отношением, которое вовлекает в себя не только преступление как факт, устанавливаемый в соответствии с общими нормами, но и преступника как индивида, познаваемого в соответствии с особыми критериями [12, с.148–149].

Таким образом, в интерпретации феномена преступления западные философы исходят из двух противоположных оснований об изначально «доброй» или «злой/дурной/греховной» природе человека. Отсюда вытекает разное видение причин преступного поведения (социальных или биологических), его социальных последствий и необходимости наказания за преступное действие.

Большинство современных ученых указывают на то, что социально-экономические условия жизни влияют на формирование нормативных установок личности. Они во многом создают тот интеллектуальный и моральный стержень личности, на котором затем будет основано либо правомерное, либо преступное поведение. Однако индивидуальные особенности сознания детерминируются не только средой. Необходимо учитывать не в меньшей степени и антропологические особенности самой личности. Любой подход к изучению человека должен учитывать влияние ситуаций, сосуществующих одновременно вне его, следует также признать, что диспозиционные качества, так или иначе, присутствуют в объяснении поведения. Иначе говоря, поведение определяется переменными человека, ситуации и их взаимным влиянием друг на друга.

Именно динамический подход к пониманию того, как человек и социальное окружение взаимовлияют друг на друга, дает объяснение сложности становления личности и ее поведения.

Недостаток знаний наиболее общих закономерностей и тенденций взаимодействия в системе «индивид – общество», «власть – преступление», «преступник – социальная среда», «преступное поведение – социальное действие» диктуют сегодня необходимость социально-философского анализа этих феноменов.

Список использованных источников

1. Аристотель. Политика / Аристотель. – Москва, 1911.
2. Гоббс Т. Избранные сочинения / Т.Гоббс. – Москва, 1926.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э.Дюркгейм. – Москва, 1994.
4. Камю А. Посторонний / А.Камю. – Москва, 1997.
5. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство / Ч.Ломброзо. – Ростов н/Д., 1997.
6. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н.Макиавелли. – Санкт-Петербург, 1869.
7. Маркиз де Сад и XX век. – Москва, 1992.
8. Платон. Законы. Полн. собр.соч. в 15 томах / Платон. – Петербург, 1923. Т.8.
9. Сочинение Блаженного Августина: «О граде Божьем». – Харьков, 1891
10. Шопенгауэр, А. Собр. соч. / А.Шопенгауэр. – Москва, 1992. Т.1.
11. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / З.Фрейд. – Москва, 1989.
12. Фуко М. Надзирать и наказывать / М.Фуко. – Москва, 1999.

УДК 13.2:8

**ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Е. А. Шерашенкова

*Смоленский филиал НОУ ВПО «Академия права и управления (институт)»,
г. Смоленск, Российская Федерация*

Среди многообразных концепций, объясняющих генезис и сущность языка, наибольшее распространение получили конвенциональная и онтологическая. Анализируя первую, Д. Дэвидсон пришел к выводу о том, что «конвенция не является условием существования языка. Поэтому я считаю, – писал он, – что философы, рассматривающие конвенцию как необходимый элемент языка, ставят все с ног на голову: на самом деле язык есть условие для выработки конвенций» [1, с. 233]. Автор полностью согласен с приведенной точкой зрения и в своем исследовании он будет опираться на онтологическую концепцию, в рамках которой считается, что слово и обозначаемый им объект находится в неразрывном единстве, а, следовательно, неправильное употребление слов может привести к «болезни» и последующему исчезновению этих объектов.

В настоящее время во многих российских вузах изучается такой предмет как «Культура речи». Очевидно, что в данном случае под культурой понимается не процесс и не результат изменения (то есть окультуривания) человеком окружающей его природной действительности, а некий способ, совокупность наиболее эффективных приемов, позволяющих достигнуть высокого уровня взаимопонимания между людьми в процессе их языкового общения. Конечно, слово «культура», понимаемое как орудие, способ изменения исходной данности, применяется и по отношению к чисто природным объектам. Именно в этом смысле говорят о сельскохозяйственной, строительной и промышленной культурах. Однако языковая культура, по крайней мере, в двух отношениях радикальным образом отличается от них.

Во-первых, каждый человек, в процессе языкового общения одновременно является и субъектом, и объектом окультуривания. В этой своей бинарной сущности он не только присваивает других людей, но одновременно и присваивается ими. Неживая природа, в силу своей пассивности, может выступать лишь в качестве субъекта присвоения. Животные также ничем не обладают, они лишь оказываются «погруженными» в окружающую их внешнюю среду. Для человека же существовать в этом мире – означает обладать им. Причем обладание это носит принципиально языковой характер. Достаточно вспомнить, что, согласно Библии, человек получает от Бога власть над другими живыми земными существами после того как наделяет каждого из них именем. Более того, у многих народов существуют мифы о том, что для получения власти над другими людьми человеку вовсе не обязательно наделять их именами, Достаточно лишь знать уже существующие подлинные имена. С